

УДК 82-1

Город детства в поэме Всеволода Некрасова «Казань реально»

Харитонова З.Г.

Ключевые слова: урбанистика, казанский текст, поток сознания, детская психология, звукопись.

В геопанораме российской культуры Казань занимает особое место, так как город издавна находился на пересечении различных этнических потоков, на перекрёстке традиций. На протяжении ряда столетий название нашего города порождало комплекс разного рода ассоциаций, находящих своё отражение в фольклорных и литературных текстах.

В литературе сосуществует ряд обликов Казани. У Л.Н. Толстого в повести «Юность» и рассказе «После бала» это город дворянский и университетский, у М. Горького в повести «Мои университеты» почти рядом живут студенты и рабочие, поэтому именно здесь формируются новые политические идеи. В повести И.С. Тургенева «Клара Милич» Казань – некий почти призрачный, заколдованный топос, пронизанный восточным колоритом. Наконец, у современных представителей русского шансона Казань – это столица молодёжной преступности, родина так называемого «казанского феномена»¹. Ещё один из обликов Казани – это фронтовой тыл, место эвакуации во время Великой отечественной войны. Такой столица Татарии предстает в книгах В. Гроссмана, В. Аксёнова, а также в ряде произведений Всеволода Некрасова, на чьей поэме «Казань реально» мы остановимся подробнее. Обращение к казанской теме было продиктовано особенностями биографии поэта. Во время войны, будучи семилетним ребёнком, Некрасов оказался здесь в эвакуации. Позднее, в 2006 году, автор приезжал в Казань, чтобы посетить места своего детства. Произведения Некрасова о Казани – это во многом воспоминания, желание мыслями и чувствами вернуться в мир детства. Обратимся к тексту поэмы «Казань реально» и посмотрим, какие приёмы использует для воссоздания образа города своего детства автор.

Большая часть текста произведения на первый взгляд выглядит неупорядоченной и нелогичной, она близка потоку сознания. В. Руднев указывает на то, что данный стиль в литературе претендует «на непосредственное воспроизведение ментальной жизни сознания посредством сцепления ассоциаций, нелинейности, оборванности синтаксиса» [1]. Обратимся к наиболее характерным примерам. Так, в самом начале поэмы есть следующее предложение «Интересно как снег мороз / тогда тут прямо и оказался». По причине отсутствия знаков препинания может сложиться впечатление, что две мысли слиты здесь воедино: «Интересно как: снег, мороз!» и «Тогда тут прямо и оказался». В этом случае вторая часть должна относиться к герою поэмы – оказался здесь, то есть в Казани, тем более, что слова «Казань» и «оказаться» располагаются далее в тексте рядом. С другой стороны, по причине отсутствия знаков препинания снег и мороз могут

¹ Альбом «Казанский феномен» шансонье Димона Казанского.

выступать как однородные подлежащие, и «оказался» тогда – это сказуемое, относящееся к ним. В данном случае мы видим нечто похожее на субъектный синкретизм. Есть ещё одно вероятное объяснение: когда ребёнок начинает эмоционально рассказывать о чём-то, то его речь сбивчива, он перескакивает с одной мысли на другую. Эта фраза близка к разговорной речи, в ней присутствует разговорное наречие «тут», вместо литературной нормы «здесь», а также семантически лишнее слово «прямо», – всё это также говорит в пользу гипотезы о том, что перед нами имитация наивной детской речи.

Автор постоянно специально убирает знаки препинания между отдельными частями текста, которые можно было бы счесть короткими предложениями, если бы между ними стояла точка. Начинается обычно такая цепочка назывными предложениями: «Мороз снег Чулан Чурбан (Чук Гек был) Чак чак никак нет не был.» С одной стороны, автор перечисляет то, что увидел ребёнок, с другой стороны, называет то, что было у этого ребёнка и то, чего не было. Книга А. Гайдара «Чук и Гек» вышла незадолго до войны, в 1939 году, и уже была известна советским детям. Национальная татарская сладость чак-чак, разумеется, отсутствовала в магазинах в те годы, о ней могли быть только воспоминания коренных казанцев. Нам не даётся законченная картина, так как память человека избирательна, она сохраняет только отдельные образы или их элементы. Здесь перед нами воспоминание взрослого человека, пытающегося реконструировать восприятие мира малышом. Это нанизывание ассоциаций, объединённых на основе различных принципов.

В частности, слова Чулан Чурбан Чук Гек Чак чак сгруппированы с точки зрения близости звукового состава: перед нами аллитерация с повторением глухих согласных звуков ч и к, дополняющаяся ассонансом с повторением звука у. Звуковые ассоциации, связанные с «у» в данном контексте – это вой метели, зима. «Ч» и «к» создают звукоподражательный эффект треска мороза, то есть в данном случае мы не просто видим то, что видит ребёнок, но ещё и слышим звуки, которые его окружали. Холод военных зим в Казани становится коллективным воспоминанием для множества людей, переживших это время. Об этом мы можем прочесть и у В. Аксёнова в автобиографическом романе «Ленд-лизовские»: «Акси-Вакси, ковыляя по наледи, пытаюсь разогреться после нетопленной школы перед промёрзшей квартирой, неизбежно вспоминал, как что-то рухнуло четыре года назад в его личном детском мире» [32]. У Некрасова мы читаем: «Отовсюду сюда дует», в этой фразе также слышится свист ветра, благодаря повторению звука «с».

Путём использования внутренней рифмы Некрасов соединяет слова чак-чак и никак, и уже к данному слову присоединяется дополнительное отрицание «нет». С точки зрения синтаксиса, элементы двойного отрицания «никак нет» в данной конструкции излишни, однако читателям открываются дополнительные смыслы. Всем известная форма отрицательного ответа военных, введённая в это предложение, указывает на то, что перед нами не просто бедное детство, а детство военной поры. Ребёнок улавливает звуки различного происхождения, затем в его разуме они соединяются в причудливые сочетания, сохраняемые в далёких уголках памяти на долгие годы.

Отголоски войны слышатся в тексте поэмы время от времени. Автор перечисляет реалии тех лет, показывая, что детям они были полностью или частично непонятны. Это естественно, ведь до начала Великой отечественной войны многие предметы или явления не играли в жизни горожан важной роли. Дети, пусть и не всегда успешно, пытаются объяснить то новое, что появилось вокруг них. Некрасов, имитируя попытку ребёнка объяснить мир, выстраивает смысловые ряды: вид на жительство (в данном случае, документ, выдаваемый эвакуированным гражданам) – вид на всё (не только дом чужой, а всё не своё) – видно всё (например, видно всё, что происходит в мире, видно суть вещей). Часто дети делают неправильный словораздел в непонятных для них высказываниях, в результате чего возникают новые смыслы: «Мыло Ка / Мыло Ка сухого вроде как молока было только вы не путали бы а то кто попутали те так и попали». Сегодня мало кто знает, что мыло К – это средство для уничтожения чесоточных клещей, блох и вшей, сейчас применяющееся в основном для животных. В инструкции по применению сообщается: «Рабочую эмульсию готовят так: мыло К нарезают мелкими кусочками и разводят в воде, подогретой до 50°C, постоянно помешивая деревянной лопаточкой до полного растворения мыла и получения молочно-белой или слегка желтоватой жидкости». Поэтому неудивительно, что ребёнок мог принять это мыло за молоко. Использование этого средства в Казани военного периода, когда население города за счёт эвакуированных выросло в несколько раз, было насущной необходимостью и неотъемлемой частью жизни. Ю.Б. Орлицкий пишет, что «творчество Некрасова можно было бы, с некоторым пафосом, назвать «энциклопедией русской жизни» его времени, но опять-таки с очень серьёзной поправкой – энциклопедией, адресованной тем, кто эту жизнь знает и помнит» [2, с 72].

Пусть в большей степени косвенно, чем прямо, но мы можем увидеть отношение эвакуированного ребёнка к войне. Остановимся для этого на следующей цитате: «Вши / Фашисты / Ишь ты / Внимание внимание / Говорит девятнадцатый двор / Смерть семнадцатым оккупантам (...)». Интересно, что слова вши и фашисты в тексте соседствуют неоднократно, создавая своеобразный рефрен. Здесь это не просто следствие и причина, поставленные рядом. В детском сознании произошёл процесс ретимилогизации на основе фонетического облика слова – [фши] звучит похоже на «фашисты», а отсюда фашисты как вши и наоборот. Именно поэтому на манер сообщений советского информбюро говорят дети из девятнадцатого двора, предлагающие бороться с оккупантами (возможно, с соперниками из семнадцатого двора), как со вшами.

Создание цепей слов, звенья которых соединены по ассоциативной или фонетической логике, напоминает процесс формирования речи у малышей. Л.С. Выготский пишет, что «от первоначального значения ребёнок переходит к ряду других значений, которые вытекают из отдельных частей картины» [3, с. 124]. Из одного корневого значения некоего звукового сочетания может появиться множество новых, порой неожиданных.

В нашем случае принципиально важно, что язык героя поэмы формируется именно в Казани. Даже некоторые татарские слова запомнились мальчику на всю жизнь, хотя в этом и не было, на первый взгляд, особой

необходимости: «Бар / Да / Нет / Йок». Казань становится мальчику второй Родиной, где постепенно формируется его мировоззрение. Так и у животных: утка может воспитать цыплят как своих детей, а кошка щенят. Отсюда и благодарность Казани:

«Казань — пожалуйста спасибо сказать же ведь оставить жить а ведь оставила

же действительно.

А пожалуйста а пожалуй уже этого запросто ведь могла и не сделать. И лучше кажется чем и та же Москва. Даже Москва. (Хотя и что значит даже.)»

О. А. Лаврёнова в статье «Образ места и его значение в культуре провинции» отмечает, что «Информация, заключенная в ландшафте, чаще всего воспринимается его обитателями на подсознательном уровне, но при этом они в достаточной мере ощущают ее значимость, если оказываются связанными с местом обитания узами любви. Поэтому для жителя процесс осознания знаковости привычного места сходен с процессом саморефлексии» [4].

Не только языковой образ мира, но и само представление об огромном мире формируется у героя в Казани:

«Как надо так и летал. Как над озером. Как бы. Как надо над озером. Озером тогда озером. Озеро за ним горизонт вот и он так и летал. Там. Горизонтом. Главное горизонт. В городе Казань Горизонт за озером. Озером именем Озеро Кабан. Озером Кабан когда был мал».

В этом фрагменте текста одним из основных выступает образ горизонта: «Главное горизонт». Горизонт ассоциируется со свободой, простором, не только пространственной, но и временной перспективой. Горизонт видится герою за озером Кабан. Возможно, при слове «горизонт» в уме уже повзрослевшего героя появляется именно этот пейзаж. Взрослому человеку это озеро не кажется настолько большим, чтобы достигать горизонта, однако Некрасов подчёркивает «когда был мал», то есть так видит горизонт именно ребёнок. Вспомним наши детские впечатления: сравнительно небольшие пространства виделись тогда огромными. Очень хорошо эту особенность детского мировидения выражает название художественного фильма «Когда деревья были большими».

Город детства, пожалуй, для каждого человека является тем сакральным пространством, в которое хотелось бы вернуться или в реальности, или хотя бы в воспоминаниях. Так происходит и в поэме «Казань реально». Повзрослевший лирический субъект Некрасова, приехавший в Казань более, чем через пятьдесят лет, конечно же, видит перед собой во многом изменившийся локус: «Казань Казань Казань да какая разная разная. / Здесь жизнь / торжественная жизнь / Казань Казань Казань и действительно Казанский вокзал в естественном / развитии». Однако есть нечто, что настораживает в этом развитии: «Трах бах / И станет тут у нас / (ох и ах как / как в эмиратах / да не дай бог / в дураках) / и останетесь / как вся такая Москва / никакая / (и кстати сказать / как и я)». Исчезают старые дома: «А Казани-то / Той / Той / Что только что / Вот тут же была / а?.. /у...». Именно это уничтожение старины, неповторимого облика города и может сделать его никаким, то есть типичным, лишённым своеобразия. Наконец, тревожный

вопрос, который автор оставляет открытым и для себя и для читателя – смогут ли татары, которых он называет наименее неудачными русскими, в одночасье превратиться в новых арабов, если за прошедшие века «Образ в образ / народ в народ / До того врос / В татарский русский / Татарский в русский / Маскируйся не маскируйся / Где какой который /и разберись (...)»? Вопрос этот важен не только для автора и его героя, но также для многих-многих людей, кто живёт в городе постоянно или жил когда-то. Старая Казань с её традициями и переплетением двух культур – это прошлое для всех них, пусть не всегда детство, но молодость или юность, а человек, сохраняющий память о своём прошлом, может быть спокоен о своём будущем, как и о будущем своих потомков.

По мысли Гастона Башляра, в мечтаниях можно жить в доме своего детства: «Жить в мечтаниях в родном доме означает больше, чем жить в нем в воспоминании, это значит жить в исчезнувшем доме так, как мы об этом грезили» [5, с. 120]. Так же можно жить и в городе, который стал твоим домом и «оставил жить». Замечательно, что именно Казань создала во внутреннем мире автора такой «теплый угол», дом, в котором, несмотря на его явную бедность и неустроенность, оказалось возможным не только жить, но и вырастить личность взрослого самобытного писателя.

Источники

- К.Р. – Некрасов В.с. Казань реально [Электронный ресурс] // Журнальный зал. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/9/ne10.html>, свободный (дата обращения: 04.11.2012)
- Л.-Л. – Аксёнов В.П. Ленд-лизовские. Lend-leasing. – М. : Эксмо, 2010. – 256 с.

Литература

1. Руднев В. Поток сознания [Электронный ресурс] Словарь литературоведческих терминов. – URL: <http://slovar.lib.ru/dictionary/potoksoznaniya.htm>, свободный (дата обращения: 04.11.2012)
2. Орлицкий Ю. Заметки о поэтике Всеволода Некрасова // Полилог: электронный научный журнал. – 2010. – №3. – С. 72-85.
3. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. – СПб.: СОЮЗ, 1999. – 224 с.
4. Лаврёнова О. А. Образ места и его значение в культуре провинции [Электронный ресурс] // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. — URL: <http://lib.rus.ec/b/181573/read>, свободный (дата обращения: 04.11.2012)
5. Башляр Г. Дом от погреба до чердака. Смысл жилища // Логос. – 2002. – №3-4(34). – С. 109-134.

Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях.